

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

ТАК

НАПИСАНО

Люди нашего царя. Дорожный ангел

Людмила Улицкая

Так написано

«Издательство АСТ»

Улицкая Л. Е.

Так написано / Л. Е. Улицкая — «Издательство АСТ», — (Люди
нашего царя. Дорожный ангел)

Людмила Улицкая

Так написано...

Глазу, воспитанному на тихом благородстве русской природы, привычному к тонким оттенкам огородной ботвы, пыльной листвы и бедных придорожных трав претит египетский приморский пейзаж, он отдает грубым акрилом: прямая синева неба, грубая белизна побелки, мультипликационные краски, которыми окрашены толстые цветы, сделанные, кажется, из жести и искусственного мяса. Впрочем, изредка попадаются цветы мелкие и пахучие, похожие на настоящие, но и им не доверяешь.

Вымышленное место, рай, придуманный разбогатевшим лакеем, спланированный циничным наемником-архитектором и построенный местным арабом, доверчиво принимающим этот фасонистый бред как предел земной красоты. Отель так просто и назывался – «Парадиз». Он был, конечно, пародией, этот парадиз.

Первой линией у моря стояли гостиницы, за ними лежала полоса строительного мусора и свалки, а метрах в ста начиналась честная и бедная пустыня.

Для съемочного павильона все было слишком грандиозно, но фальшь была самая настоящая, как на съемке исторического фильма. Настоящим было также солнце: сильное, беспощадное, нешуточное, замаскированное легким ветерком, оно наполняло сильным светом весь воздух – ради него я и приехала сюда первого апреля.

В тот год я сильнее обычного страдала от зимней темноты. Кожа моя измучилась от тьмы и просилась на солнце. Еще коже моей хотелось к морю.

Прибрежное море меня разочаровало: оно напоминало рыбный суп, – мне не нравилось плавать посреди разнокалиберных рыбок, которые то тыкались в живот, то били по тебе хвостом. А отплыть подальше было невозможно, потому что немедленно подлетал катер, и спасатель загонял дерзких пловцов в прибрежную полосу, кишашую рыбками и отдыхающими с детьми из безводных и холодных провинций Европы.

Соотечественники хлынули сюда, потому что наш парадиз был почти пятизвездочный, а стоил почти как трехзвездочный. Это объяснялось просто: сезон еще не начался, а теракты не прекращались.

Все, кроме солнца, было имитацией: шведские столы ломились от еды, изготовленной для киносъемок, и она была такая же поддельная, как джинсы от Гуччи и сумки от Пьера Кардена, выставленные в каждом местном ларьке за десять долларов штука. Единственное, что имело отношение к нормальной пище, – свежие египетские огурцы и белые лепешки. Еще был черный кофе, который варил Ахмет в кафе на улице, – об этом я узнала на следующий день. Местный сыр лип к зубам, на колбасу страшно было смотреть, в рис всыпано чересчур много специй, к жареному перченому мясу и высохшим на вчерашнем вертеле курам стояла очередь, а очередей я стараюсь избегать по религиозным соображениям, – чтобы не впасть в искушение... Я взяла стакан апельсинового сока, – он оказался порошковым. Интересно, откуда они здесь, в апельсиновом изобилии, берут порошок. В Ирландии, что ли, заказывают?

К моему столу подошли две женщины: свободно ли?

– Садитесь, садитесь. Свободно!

Они обрадовались – тоже русская. Познакомились: Роза лет пятидесяти, со следами татаро-монгольского ига на лице, и приятно-невзрачная Алена лет тридцати.

Роза поставила на стол горку еды – тарелка с верхом.

– Господь дает нам пищу на каждый день, и хлеб небесный посылает нам, – радостно сообщила она, села за стол, зажмурилась и замолчала.

Она молилась про себя, и вторая тоже безмолвно склонилась над тарелкой. Я чту эти обычаи: омовение рук, благословение еды... и вообще всякое благодарение...

Вечером они опять подсели к моему столику. Роза с интересом посмотрела на мой скудный ужин – огурцы с лепешками.

– На диете? – сочувственно спросила она.

– Вроде того, – согласилась я.

– Написано так, – Роза возвела глаза к небу и наморщила лоб: – «Не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? А исходящее из уст – из сердца исходит. Сие оскверняет человека».

Я промолчала, поскольку давно уже не люблю застольного богословия.

«Неофитка», – догадалась я.

– А вы, простите меня, сколько за путевку платили? – спросила Роза, легко перескочив незамеченную пропасть.

– Четыреста восемьдесят.

– Чего это так много? Моя дочка купила горящую за двести девяносто. Знаете, как написано: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе. ..», а родителям сказано: «А вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем!»

На послании к Ефесеянам я ушла, пожелав приятного аппетита.

В этом вымороченном месте были свои золотые и серебряные минуты. Золотые – утром, когда я просыпалась на рассвете, выходила на закрытую от чужих глаз, но не от солнца лоджию и ложилась на шезлонг. Кожа моя ликовала, и я подставляла солнцу укромные места. Потом я шла на берег, уборщики к этому времени успевали вытащить из песка все окурки и обертки, которые с вечера оставили отдыхающие. Привозной песок, маскирующий каменистый берег под настоящий пляж, был светел и разглажен, а катерные спасатели еще не вышли на работу. Я уплывала по прохладной воде подальше от берега. Непрестанно дул противный боковой ветер, заливал в левое ухо крепкую воду и сносил вправо. Я хороший пловец, но плохой спортсмен – плыву медленным неправильным брассом. Плыть могу долго. Спohватившиеся спасатели меня возвращали.

Полежав на казенном полотенце, шла в номер и погружалась в арабское медленно текущее время. Читала длинную, удивительно подходящую к случаю книгу – «Александрийский квартет» Лоуренса Даррела, и близость места действия романа, а также разгадывание его исторических криптограмм меня забавляли. Потом я засыпала, просыпалась, пила кофе у Ахмета, возвращалась в номер и снова засыпала: предел разврата загнанного городской жизнью человека – сон после завтрака. Шла в гимнастический зал, садилась на велосипед, глядя в стеклянную стену на летящие в одном направлении и все не улетающие листья пальм, потом покупала газету и просматривала ее от конца до начала перед синьковым бассейном: интересно, они в воду анилин добавляют? Выпивала еще чашечку кофе и обнаруживала, что всего-то одиннадцать часов утра. Заспавшиеся туристы еще жевали за стеклянной стеной многоступенчатые завтраки.

Возвращалась в номер и погружалась в «Александрийский квартет», пока не наступало время обеда.

Выйти с территории отеля было некуда – полоса строительного мусора и пустыня. Можно было взять такси или сесть в микроавтобус, съездить в собственно город. Я однажды это сделала, там было то же самое: трепещущие по ветру пальмы, самые безмозглые из всех деревьев, восхитительно уродливая архитектура и группки жующих туристов. Купила на восточном базаре (пестрая роскошь бедняков, грозди предположительно золотых украшений, свисающие с лотков, поддельные ковры, новенькие папирусы с Нефертити и тонны наглых сувениров) килограмм невкусной клубники, три зеленых генопродукта в виде яблок и бедуинскую вязаную тубетейку.

Валяться на лоджии или в номере было слаще всего. Мысль о растяжимости времени, о его способности сжиматься и растягиваться до бесконечности не покидала меня. Я наслажда-

лась длиной минут и бесконечностью восточного часа... И в голову лезли такие мысли, которые могут возникнуть лишь от полной праздности, например, про безумную теорию Фоменко, согласно которой мировую историю следует считать искусственно растянутой, – в теории этой, если находишься в Египте, чувствуешь прорыв к истине. В следующем прорыве будет, возможно, зиять еще одно откровение о природе времени – египетские тысячелетия равны европейским столетиям, китайское время не совпадает со шведским, а американское – с африканским, и потому история так неравномерна, спонтанна и непредсказуема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.